

Сэр Уолтер Рэли
Сыну

Три вещи есть, не ведающих горя,
Пока судьба их вместе не свела.
Но некий день их застигает в сборе,
И в этот день им не уйти от зла.

Те вещи: роща, поросль, подросток.
Из леса в бревнах виселиц мосты.
Из конопли веревки для захлесток.
Повеса ж и подросток — это ты.

Заметь, дружок, им врозь не нарезать.
В соку трава, и лес, и сорванец.
Но чуть сойдутся, скрипнет половица,
Струной веревка — и юнцу конец¹.

¹ Перевод Б. Пастернака (здесь и далее — примечания переводчика).

Стихи в романе даются в переводах на русский в тех случаях, если есть опубликованные варианты, в противном случае оставлен оригинал на английском.

1

Трупом я лежала на церковном дворе. Целый час прошел после того, как последний из присутствующих на похоронах произнес свое печальное «прощай».

В двенадцать часов, ровно в то время, когда мы обычно садились обедать, из Букшоу выдвинулось шествие: мой полированный гроб розового дерева вынесли из гостиной, медленно спустили по широким ступеням к подъездной аллее и с разрывающей сердце легкостью плавно вдвинули в открытую дверь ожидающего катафалка, раздавив букетик полевых цветов, который туда бережно поместил кто-то из горюющих поселян.

Затем была долгая поездка по каштановой аллее к Малфордским воротам, свирепые грифоны на которых смотрели в сторону, когда мы их миновали, хотя печаль это была или апатия — я никогда не узнаю.

Доггер, преданный слуга моего отца, размеренно шагал рядом с неторопливым катафалком, склонив голову и легко положив руку на крышку, словно для того, чтобы защитить мои бранные останки от чего-то видимого

— Алан Брэдли —

только ему. У ворот кто-то из гробовщиков наконец жестами убедил его сесть в автомобиль.

И так они привезли меня в деревню Бишоп-Лейси, угрюмо миновав те самые зеленые тропинки и пыльные изгороди, где я каждый день ездила на велосипеде при жизни.

На переполненном кладбище Святого Танкреда меня бережно сняли с катафалка и понесли по извилистой тропинке под липами. Здесь меня на миг опустили на свежескошенную траву.

Затем у разверстой могилы отслужили заупокойную службу, и в голосе vicария звучала нотка искренней скорби, когда он произносил традиционные слова.

Первый раз я слушала заупокойную службу с такой выгодной позиции. В прошлом году мы с отцом посетили похороны старого мистера Дина, деревенского зеленщика. Его могила располагалась всего в нескольких ярдах от того места, где я сейчас лежала. Она уже просела, оставив лишь прямоугольную впадину в траве, которую чаще всего заполняла стоячая дождевая вода.

Моя старшая сестра Офелия заявила, что она осела, потому что мистер Дин воскрес и больше не присутствует там в телесном виде, в то время как Дафна, моя другая старшая сестра, сказала, что это потому, что он провалился в более старую могилу, чей обитатель рассыпался в прах.

Я подумала о супе из костей внизу: суп, в котором я стану просто очередным ингредиентом.

Сорняк, обвивший сумку палача

Флавия Сабина де Люс, 1939—1950 — вот что они начертает на моем надгробии, скромном и элегантном сером мраморе, и никаких фальшивых сантиментов.

Жаль. Если бы я прожила достаточно долго, я бы оставила письменные инструкции, повелев запечатлеть строчки из Вордсворта:

*Ее узнать никто не мог,
И мало кто любил¹.*

А если бы они начали артачиться, в качестве второго варианта я бы предложила:

*Truest hearts by deeds unkind
To despair most inclined².*

Только Фели, певшая и игравшая эти строки на фортепиано, признает в них строчки из «Третьей книги арий» Томаса Кэмпiona, но ее будут так глодать вина и скорбь, что она никому не скажет.

Мои размышления нарушил голос викария:

«...земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху, в надежде на воскрешение к вечной жизни благодаря Гос-

¹ Цитата из душераздирающего стихотворения У. Вордсворта «Люси» о юной девушке, умершей во цвете лет, не познав любви. В переводе С. Я. Маршака.

² Преданнейшие сердца более всего склонны к отчаянию из-за недобрых дел.

— Алан Брэдли —

поду нашему Иисусу Христу; он превратит наше бренное тело...»

И вдруг они ушли, оставив меня одну — одну, слушать червяков.

Вот он: конец пути для бедной Флавии.

Сейчас семейство уже вернулось в Букшоу, собралось за длинным узким обеденным столом: отец восседает в привычном каменном молчании, Даффи и Фели с убитым видом обнимают друг друга, едва сдерживая слезы, а миссис Мюллет, наша кухарка, вносит большое блюдо с запеченным мясом.

Я припомнила, как Даффи однажды сказала мне, зачитываясь «Одиссеей», что запеченное мясо в Древней Греции было традиционным яством на похоронах, а я ответила, что, с точки зрения миссис Мюллет, за две с половиной тысячи лет почти ничего не изменилось.

Но сейчас, когда я мертва, возможно, мне следует поупражняться в снисходительности.

Доггер, разумеется, останется безутешен. Дорогой Доггер: дворецкий, он же шофер, он же камердинер, он же садовник, он же управляющий поместьем, бедная замкнувшаяся в панцирь душа, способности которой ослабевали и усиливались, словно приливы Северна; Доггер, который недавно спас мне жизнь и забыл об этом на следующее утро. Мне будет ужасно его не хватать.

И мне будет не хватать моей химической лаборатории. Я подумала о золотых часах, которые я провела в заброшенном крыле Букшоу, в блаженном одиночестве посреди колб, реторт и жизнерадостно булькающих про-

Сорняк, обвивший сумку палача

бирок и мензурок. Подумать только, я больше никогда их не увижу. Это почти невыносимо.

Я прислушалась к поднимающемуся ветру, шептавшему над головой в ветвях тисов. Здесь, в тени башни Святого Танкреда, холодало, и скоро стемнеет.

Бедная Флавия! Бедная каменная-ледяная-мертвая Флавия!

Сейчас Фели и Даффи, должно быть, жалеют, что так по-свински обращались со своей младшей сестрой за ее краткие одиннадцать лет на этой земле.

При этой мысли слеза потекла по моей щеке.

Ожидает ли меня Харриет, чтобы приветствовать на небесах?

Харриет — моя мать, погибшая во время несчастного случая в горах через год после моего рождения. Узнает ли она меня десять лет спустя? Будет ли одета в тот же альпинистский костюм, или она сменила его на нечто белое?

Что ж, как бы там ни было, я знаю, что это будет стильно.

Внезапно раздалось громкое хлопанье крыльев: звук, отразившийся от каменной стены церкви, усиленный полукругом витражного стекла и покосившимися надгробиями, окружавшими меня. Я застыла.

Может быть, это ангел — или, что более вероятно, архангел — снисходит, дабы вознести драгоценную душу Флавии в рай? Если я чуть-чуть приоткрою глаза, то увижу сквозь ресницы, правда нечетко.

Не повезло: это оказалась потрепанная галка из тех, что вечно летают около Святого Танкреда. Эти бездель-

— Алан Брэдли —

ницы свили гнездо в башне еще в XIII веке, когда каменщики собрали свои инструменты и уехали отсюда.

Теперь дурацкая птица неуклюже взгромоздилась на верхушку мраморного пальца, указывающего в небеса, и холодно меня рассматривала яркими смешными глазами-пуговицами, склонив голову набок.

Галки никогда не учатся на своих ошибках. Не важно, сколько раз я проделывала с ними этот трюк, они всегда рано или поздно, хлопая крыльями, слетали с башни по любопытствовать. Для примитивного мозга галки любое тело, горизонтально лежащее на кладбище, означало одно: пищу.

Как я делала уже дюжину раз, я вскочила на ноги и метнула камень, спрятанный в кулаке. Я промахнулась — но я почти всегда промахивалась.

С презрительным «кар» эта тварь взлетела в воздух и понеслась за церковь, в сторону реки.

Встав на ноги, я осознала, что голодна. Естественно! Я не ела с завтрака. На миг я слегка призадумалась, быть может, я найду оставшиеся пироги с джемом или кусок торта на церковно-приходской кухне. Дамы Алтарной гильдии Святого Танкредда собирались вчера, и шанс есть.

Пробираясь сквозь траву по колено, я услышала необычное сопение и на мгновение подумала, что нахальная галка вернулась, чтобы сказать свое последнее слово.

Я остановилась и прислушалась.

Ничего.

И затем оно снова прозвучало.

Сорняк, обвивший сумку палача

Иногда я считаю проклятием, а иногда благословением то, что я унаследовала острый слух Харриет, поскольку я могу, как люблю рассказывать Фели, слышать то, от чего у вас волосы дыбом встанут. Один из звуков, которые я особенно четко улавливаю, — это плач.

Он доносился из северо-восточного угла церковного кладбища — откуда-то из окрестностей деревянного сарая, где могильщик хранил инструменты для копания могил. Я медленно подкрадывалась на цыпочках, а звук становился все громче: кто-то умеет здорово рыдать в старомодной манере, сногшибательной и душераздирающей.

Простой факт природы: в то время как большинство мужчин пройдут мимо плачущей женщины, словно у них шторы на глазах, а в ушах песок, ни одна женщина не может равнодушно слышать звук, означающий, что у кого-то горе, и не устремиться немедленно на помощь.

Я украдкой глянула за черную мраморную колонну и увидела ее, она, растянувшись во весь рост, лежала лицом вниз на плите из известняка, рыжие волосы растеклись по стершейся надписи, будто ручейки крови. Если бы не сигарета, стильно торчавшая между ее пальцами, ее можно было бы принять за рисунок кого-то из прерафаэлитов вроде Берн-Джонса. Я вмешалась почти с сожалением.

— Привет, — сказала я. — Вы в порядке?

Еще один простой факт природы — подобные разговоры вечно начинаются с чрезвычайно глупой фразы. Я пожалела в тот же момент, когда произнесла ее.

— Алан Брэдли —

— О! Разумеется, я в порядке, — вскрикнула она, вскакивая на ноги и утирая глаза. — С чего это ты подкрадываешься ко мне таким образом? Ты вообще кто?

Резко дернув головой, она отбросила волосы назад и выпятила подбородок. У нее были высокие скулы и впечатляюще треугольное лицо звезды немого кино, и по ее оскалу я определила, что она испугана.

— Флавия, — представилась я. — Меня зовут Флавия де Люс. Я живу неподалеку — в Букшоу.

Я ткнула большим пальцем в приблизительном направлении.

Она продолжала вглядываться в меня, словно женщина во власти ночного кошмара.

— Простите, — продолжила я. — Я не хотела пугать вас.

Она выпрямилась во весь рост — не выше пяти футов и пары дюймов — и сделала шаг ко мне, словно вспльчивая версия Венеры Боттичелли, которую я однажды видела на коробке из-под печенья «Хантли и Палмерс».

Я упрямо стояла на месте, изучая ее платье. Оно было сшито из кремового хлопка, с корсетом в оборках и расширяющейся книзу юбкой, все разрисованное множеством крошечных цветочков — красных, желтых, синих и ярко-оранжевых, как маки, и я не могла не заметить, что подол заляпан слегка подсохшей грязью.

— В чем дело? — поинтересовалась она, взволнованно затягиваясь сигаретой. — Никогда раньше не видела знаменитость?

Сорняк, обвинивший сумку палача

Знаменитость? Я понятия не имела, кто она такая. Я подумала было сказать ей, что действительно видела кое-кого знаменитого, и это был Уинстон Черчилль. Отец показал мне его, когда мы ехали в лондонском такси. Черчилль стоял перед «Савоем», засунув большие пальцы в карманы жилета и разговаривая с женщиной в желтом макинтоше. «Старый добрый Уинни», — выдохнул отец, словно сам себе.

— О, какой в этом прок! — воскликнула женщина. — Чертово место... чертовы люди... Чертовы автомобили... — И она снова зарыдала.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — поинтересовалась я.

— О, уйди и оставь меня в покое, — всхлипнула она.

Ну и ладно, подумала я. На самом деле я подумала кое-что другое, но поскольку я стараюсь стать лучше...

Я постояла еще миг, слегка подавшись вперед, чтобы рассмотреть, вступают ли ее капающие слезы в реакцию с пористой поверхностью надгробия. Слезы, насколько мне известно, состоят преимущественно из воды, хлористого натрия, марганца и калия, а известняк в основном из кальцита, растворяющегося в хлористом натрии, — но только при высоких температурах. Так что если температура на кладбище Святого Танкреда не возрастет внезапно на несколько сот градусов, маловероятно, что здесь произойдет что-то с химической точки зрения любопытное.

Я отвернулась и пошла прочь.

— Флавия...

— Алан Брэдли —

Я оглянулась. Она протягивала ко мне руку.

— Извини, — сказала она. — Просто у меня был ужасный день, с самого утра.

Я остановилась, затем медленно, осторожно зашагала обратно, в то время как она утирала глаза тыльной стороной ладони.

— Для начала, Руперт был в отвратительном настроении, еще до того, как мы уехали из Стоутмура. Боюсь, мы поссорились из-за пустяка, а потом еще фургон — это просто стало последней каплей. Он ушел, чтобы найти кого-нибудь, кто его починит, а я... что ж, вот я здесь.

— Мне нравятся ваши рыжие волосы, — сказала я. Она тут же прикоснулась к ним и улыбнулась, почему-то я знала, что она так делает.

— Морковкина верхушка, меня так дразнили, когда я была в твоём возрасте. Морковкина верхушка! Подумать только!

— Верхушки моркови зеленые, — заметила я. — Кто такой Руперт?

— Кто такой Руперт? — переспросила она. — Ты шутишь!

Она ткнула пальцем, и я повернулась посмотреть: на узкой тропинке в углу кладбища стоял ветхий фургон — «остин-8». На его крыле броскими золотыми буквами, все еще различимыми, несмотря на толстый слой грязи и пыли, были слова «Куклы Порсона».

— Руперт Порсон, — пояснила она. — Все знают Руперта Порсона. Руперт Порсон и белка Снодди — в